

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 343 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ЗАЯВЛЕНИЯ ЗАЩИТНИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

г. Ереван

14 января 2010г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Г. Даниеляна, Ф. Тохяна, М. Топузьяна, В. Оганесяна (докладчик), Г. Назаряна, Р. Папаяна, В. Погосяна,

с участием заявителя - Защитника прав человека Республики Армения А. Арутюняна, привлеченного по делу в качестве стороны-ответчика представителя Национального Собрания РА - начальника юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Хачатряна,

согласно пункту 1 статьи 100 и пункту 8 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по устной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА Конституции Республики Армения на основании заявления Защитника прав человека”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное 08.06.2009г. заявление Защитника прав человека в Конституционный Суд РА.

Процедурным решением Конституционного Суда РА от 10 ноября 2009 года ПРКС-98 судебное рассмотрение дела было отложено до 1 декабря 2009 года, предусматривая продолжить возобновленное судебное рассмотрение дела по устной процедуре.

Заслушав сообщение докладчика по делу, объяснения представителей стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Уголовный кодекс РА и

другие имеющиеся в деле документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Уголовный кодекс РА принят Национальным Собранием РА 18 апреля 2003 года, подписан Президентом РА 29 апреля 2003 года и вступил в силу с 1 августа 2003 года.

Часть 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА устанавливает: “Неуважение к суду, выразившееся в злостном уклонении от явки в суд свидетеля или потерпевшего, или защитника либо в неподчинении распоряжению судьи, либо в нарушении порядка судебного заседания или совершении иных действий и свидетельствующее об откровенном пренебрежении к суду или порядку судебного заседания, -

наказывается штрафом в размере не свыше стократного размера минимальной заработной платы либо арестом на срок не свыше одного месяца”.

2. Сторона-заявитель отмечает, что оспариваемая норма рассматривает в качестве субъекта, проявляющего неуважение к суду, только свидетеля, пострадавшего и защитника. Другие участники уголовного судопроизводства и участвующие в уголовном судопроизводстве лица не являются субъектами преступления указанного состава. В результате подобного подхода оспариваемая норма ставит в неравное положение с другими участниками судопроизводства, в частности, защитника, так как за одно и то же деяние защитник может быть подвергнут уголовному преследованию, а обвинитель и другие – нет. Следовательно, “оспариваемая норма при отсутствии объективного и мотивированного оправдания ставит в неравное положение стороны судопроизводства – сторону обвинения и сторону защиты, устанавливая в отношении них дискриминацию в правовом отношении, и на этом основании, в числе прочего, противоречит статьям 14.1, 18 (части 1 и 2), 19 (часть 1), 20 (части 1 и 2) Конституции РА”.

Сторона-заявитель также констатирует, что оспариваемая норма не удовлетворяет предъявляемым к правовому закону требованиям определенности, четкости и предвиденности. Согласно заявителю, неопределенность и нечеткость оспариваемой нормы проявляется в том, что неопределенность используемых в ней понятий (подчеркиваются словосочетания “неподчинение распоряжению судьи”, “иные действия”, “откровенное пренебрежение к суду или порядку судебного заседания”) создала условия для своевольного толкования и применения оспариваемой

нормы, а также оспариваемая норма не позволяет четко разграничить деяния, установленные частью 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА, и вызывающие иные правовые последствия действия, предусмотренные статьей 314.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, статьей 39 Закона РА “Об адвокатуре”.

3. Сторона-ответчик отмечает, что неуказанные в оспариваемой норме правоотношения в связи с ответственностью в отношении участников судопроизводства, урегулированы Судебным кодексом РА и Законом РА “О прокуратуре”. Согласно ответчику, из системного анализа соответствующих норм Судебного кодекса РА и статей 46 и 47 Закона РА “О прокуратуре” не следует, что оспариваемая статья создает неравные условия для участников судопроизводства. В связи с доводами заявителя о том, что отдельные высказывания оспариваемой нормы вызывают правовую неопределенность, ответчик отмечает, что принцип правовой неопределенности не означает, что законы должны быть абсолютными ориентирами при проявлении того или иного поведения. Если какая-либо норма не сформулирована с абсолютной определенностью, это не может быть достаточным условием ее противоречия установленному Конституцией РА принципу правового государства.

Ответчик находит, что “...правовую неопределенность оспариваемой нормы невозможно однозначно устранить законом, так как невозможно предусмотреть все ситуации – действия и бездействие, которые будут рассматриваться как “откровенное пренебрежение к суду”.

Одновременно ответчик находит, что оспариваемая норма нуждается в усовершенствовании.

4. Оспариваемой нормой законодатель квалифицировал как преступление пренебрежение к суду с указанными в нем проявлениями, имея в виду конституционно-правовое требование осуществления независимого, беспристрастного правосудия и важность гарантирования его законом (в том числе уголовно-правовым). Законодатель, рассматривая данное деяние в силу его общественной опасности как противоправное, предусматриваемое уголовным законом и уголовно наказуемое деяние, в рамках части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА посчитал субъектом этого преступления только свидетеля, пострадавшего и защитника, а в рамках частей 2 и 3 – любое лицо, оскорбившее судью или участников судебного разбирательства.

Учитывая, что предусмотренное в диспозиции оспариваемой нормы (части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА) деяние может быть совершено не только указанными в ней лицами, но и другими участниками уголовного

судопроизводства, Конституционный Суд констатирует, что на практике возможна ситуация, когда последние, совершая деяние, предусмотренное Уголовным кодексом, не подвергаются соответствующему уголовно-правовому воздействию.

Конституционный Суд находит, что подобным правовым регулированием, по сути, проявляется неравное отношение к участникам судопроизводства.

Конституционный Суд признает, что, как было указано, криминализация того или иного деяния находится в рамках усмотрения законодателя. Вместе с тем, если законодатель предусмотрел в Уголовном кодексе то или иное деяние в силу его общественной опасности как уголовно наказуемое деяние, то запрет на совершение этого деяния должен быть установлен для всех возможных субъектов, которые на практике могут совершить данное преступление. В противном случае к находящимся в сравнимом положении лицам, посягающим на один и тот же объект, государством будет проявлено необоснованное дифференцированное отношение, нарушающее конституционный принцип равенства всех перед законом.

Конституционный Суд также находит, что необоснованное ограничение состава субъектов преступления не позволяет также решать задачи, закрепленные в Уголовном кодексе РА, в частности в статье 2. Исключая возможность привлечения к уголовной ответственности отдельных лиц, допустивших деяние, указанное в оспариваемой норме, не обеспечивается решение установленной Уголовным кодексом задачи полноценной защиты ценностей, погрязших этим деянием, и его предупреждения. С другой стороны, нарушаются принципы равноправия участников судопроизводства, в частности сторон, состязательности судопроизводства, следовательно, нарушается также предусмотренный статьей 19 Конституции принцип справедливого судебного разбирательства, так как сторонам не гарантируются равные условия и возможности участия в процессе. Из этого не следует, что рассмотрение в оспариваемом положении в связи с указанными субъектами проявления откровенного пренебрежения к суду или порядку судебного заседания как уголовно наказуемого деяния само по себе неправомерно и неконституционно. Проблематичным является нерассмотрение как таковых равноценных действий других участников судопроизводства.

5. Конституционный Суд РА считает необходимым рассмотреть предмет спора также с точки зрения критериев, лежащих в основе понятия

специального субъекта преступления, определения специального субъекта преступления. Изучение Уголовного кодекса РА свидетельствует, что определение специального субъекта отражает особенности преступлений конкретного вида, степень их общественной опасности. Признание того или иного лица в качестве специального субъекта данного преступления обусловлено тем, что лицо в силу своего должностного или иного положения может совершить преступления, которые иные лица совершить не могут. То есть характер данного преступления и возможность его совершения – те критерии, которые объективно, независимо от воли законодателя, определяют круг специальных субъектов. Эти критерии предполагают, что круг специальных субъектов данного состава преступления неизбежно должен совпадать с кругом всех лиц, которые в силу своего должностного или иного положения способны совершить данное деяние. В частности, выделяются следующие признаки определения специального субъекта: правовой статус, демографический признак, профессиональные обязанности, характер выполняемой работы, отношения между государством и гражданами в области правосудия и т.д. Изучение всех остальных составов преступления, включенных в главу 31 Уголовного кодекса РА, озаглавленную “Преступления против правосудия”, куда включена и оспариваемая норма, свидетельствует, что законодатель, устанавливая специальный субъект каждого из составов преступления, руководствовался вышеупомянутыми объективными критериями определения специального субъекта преступления, в случае каждого состава преступления включая в состав специального субъекта всех лиц, которые в силу дополнительных признаков, характерных специальному субъекту, могут совершить деяние, составляющее объективную сторону данного состава преступления. Между тем в оспариваемой норме законодатель, в отличие от других преступлений, направленных против правосудия, отклонился от указанной логики, ограничивая круг специальных субъектов и исключая из этого круга иных лиц, являющихся участниками того же процесса и способных совершить такое же деяние (имеющих определенный процессуальный статус).

6. Конституционный Суд считает необходимым обсудить вопрос конституционности оспариваемой нормы также в контексте изменений, внесенных в Уголовный кодекс РА и в Кодекс РА об административных правонарушениях.

Конституционный Суд прежде всего считает необходимым подчеркнуть, что до изменения, внесенного в текст оспариваемой нормы в действующей редакции Законом РА от 16.12.2005г. ЗР-33-Н “О внесении

изменений и дополнений в Уголовный кодекс РА”, текст статьи 343 Уголовного кодекса в редакции от 18 апреля 2003 года устанавливал:

“Статья 343. Неуважение к суду

1. Неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства, -

наказывается штрафом в размере от стократного до трехсоткратного размера минимальной заработной платы либо арестом на срок от одного до двух месяцев.

2. То же деяние, выразившееся в оскорблении судьи в связи с осуществлением им должностных полномочий, -

наказывается штрафом в размере от двухсоткратного до пятисоткратного размера минимальной заработной платы, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от двух до трех месяцев”.

Статьей 5 Закона РА от 16.12.2005г. ЗР-33-Н “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РА” статья 343 Кодекса была изложена в действующей редакции. Части один и два текста статьи в предыдущей редакции были переизложены как части 2 и 3, а оспариваемая норма была закреплена как часть 1 статьи. Изучение оспариваемой нормы, закрепленной в части 1 статьи 343 Кодекса, и частей 2 и 3 той же статьи свидетельствует, что, в отличие от оспариваемой нормы, в составах преступлений, закрепленных в этих частях, какой-либо специальный субъект не акцентируется, обеспечивая уголовную ответственность для всех тех лиц, неуважение к суду которыми выражается в форме оскорбления судьи или участников судопроизводства. Фактически был проявлен дифференцированный подход в связи с различным проявлением неуважения к суду: в одном случае ограничивая круг специальных субъектов, в другом – никоим образом не ограничивая его.

Конституционный Суд в этой связи считает необходимым также констатировать, что изучение международного опыта свидетельствует, что, как правило, в тех странах, где неуважение к суду вызывает уголовно-правовое воздействие, уголовно наказуемыми считаются только те проявления неуважения к суду, которые сопоставимы с признаками деяний, предусмотренных в частях 2 и 3 статьи 343 Уголовного кодекса РА. Что касается установленного в диспозиции оспариваемой нормы проявления неуважения к суду, то оно, как правило, в международной практике не криминализовано.

До криминализации Законом РА от 16.12.2005г. ЗР-33-Н “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РА” деяния, описанного в диспозиции части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА, это деяние в качестве административного правонарушения было предусмотрено в статье 206.1 Кодекса РА об административных правонарушениях. Ее диспозиция (в редакции от 02.09.93г.) предусматривала: “Неуважение к суду, выразившееся в злостном уклонении от явки в суд **свидетеля, потерпевшего, истца, ответчика** либо в неподчинении **указанных лиц или иных граждан распоряжению председательствующего**, либо в нарушении порядка судебного заседания, в равной степени также **предпринятие кем-либо действий**, свидетельствующих об откровенном пренебрежении к суду или к установленным в суде правилам, вызывают...”. Статья 206.1 Кодекса РА об административных правонарушениях утратила силу с принятием Закона РА от 16.12.2005г. ЗР-32-Н “О внесении изменений в Кодекс РА об административных правонарушениях”, что было обусловлено фактом криминализации указанного деяния принятым в тот же день вышеупомянутым Законом РА от 16.12.2005г. ЗР-33-Н “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РА”. Сравнительный анализ статьи 206.1 Кодекса РА об административных правонарушениях и оспариваемой нормы Уголовного кодекса РА свидетельствует, что, в отличие от оспариваемой нормы, ранее устанавливающая административную ответственность за то же деяние норма в случае таких проявлений неуважения к суду, как неподчинение распоряжению судьи, нарушение порядка судебного заседания или совершение иного действия, свидетельствующего об откровенном пренебрежении к суду или порядку судебного заседания, не предусматривает какого-либо ограничения состава субъектов. Что касается проявления неуважения к суду в форме злостного уклонения от явки в суд, то административная ответственность за это деяние устанавливалась для **свидетеля, потерпевшего, истца, ответчика**. А оспариваемой нормой этот состав существенно изменился и ответственность за злостное уклонение от явки в суд установлена для **свидетеля, потерпевшего, защитника**.

Вышеупомянутый сравнительный анализ свидетельствует, что в процессе криминализации административного правонарушения, являющегося предметом спора, не было обеспечено равноценное отношение ко всем равноправным субъектам правонарушения. Административное правонарушение было криминализовано только относительно этого ограниченного числа субъектов правонарушения, изменив их состав. Более того, не было учтено повторное (или многократное) совершение (наиболее

опасным для общества способом) такого административного правонарушения, как объективная необходимость для признания деяния уголовно наказуемым.

Конституционный Суд считает необходимым подчеркнуть, что изучение прежнего и действующего законодательства, устанавливающего ответственность за неуважение к суду, свидетельствует также, что вследствие утраты силы статьи 206.1 Кодекса РА об административных правонарушениях и закрепления в части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА оспариваемого положения длительное время вообще не было предусмотрено какой-либо меры ответственности в отношении субъектов, находящихся вне круга указанного в нем ограниченного числа субъектов. Так, статья 206.1 Кодекса РА об административных правонарушениях утратила силу 4 февраля 2006 года, а в случае деяния, предусмотренного статьей Уголовного кодекса, принятого в тот же день, уголовная ответственность считалась применимой только в отношении свидетеля, потерпевшего и защитника. Начиная с 7 марта 2007 года, в результате изменений, внесенных в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РА (соответственно статьи 314.1 и 115), закреплено полномочие суда привлекать к ответственности лиц, проявивших неуважение к суду. А Судебный кодекс РА, статьей 63 которого были установлены судебные санкции за неуважение к суду, почти дословно повторяющие положения Уголовно-процессуального кодекса, вступил в силу 18 мая 2007 года. Кроме того, если в результате изменений, внесенных в Уголовно-процессуальный и Гражданский процессуальный кодексы РА, за неуважение к суду в рамках гражданского и уголовного процессов в дальнейшем была предусмотрена ответственность, то за аналогичное деяние, проявленное в рамках конституционного правосудия, законом никакой меры ответственности не предусмотрено. Согласно статье 50 Закона РА “О Конституционном Суде” в случае нарушения порядка в судебном заседании Конституционный Суд при необходимости имеет право назначить штраф в установленном законом порядке и размере, что, однако, никаким законом не предусмотрено.

Конституционный Суд в рамках настоящего дела считает необходимым также обратиться к процессу принятия Национальным Собранием РА Закона РА от 16.12.2005г. ЗР-33-Н “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РА” и Закона РА от 16.12.2005г. ЗР-32-Н “О внесении изменений в Кодекс РА об административных правонарушениях”.

Исходя из требований части 7 статьи 68 Закона РА “О Конституционном Суде”, изучение процедуры законодательного изменения свидетельствует, что в Национальном Собрании РА обоснование подобного

изменения и его фактическое изменение несоизмеримы, нет ни одного обоснования изменения состава субъектов, в системном аспекте не обеспечена взаимосвязь разных частей одной и той же статьи (статья 343). Изучение обсуждений проектов этих законов и обоснований необходимости их принятия свидетельствует, что внесенные этими законами изменения были обоснованы исключительно необходимостью отмены института административного ареста, учитывая требования статей 16, 32 Конституции РА. Однако из сопоставления этих и внесенных в дальнейшем изменений следует, что вышеупомянутые законодательные решения содержат внутренние противоречия, так как в результате их принятия, с одной стороны, деяние было криминализовано в отношении определенных субъектов, с другой стороны – перестало, хотя бы на определенное время, считаться общественно опасным касательно иных субъектов. Не был проявлен также системный подход, в частности учтено, например, возможности применения принуждения в случае злостного уклонения от явки в суд, необходимость применения иной санкции в случае повторного совершения того же деяния.

7. Как указывалось, меры ответственности за неуважение к суду установлены также в статье 314.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, в статье 115 Гражданского процессуального кодекса РА, в статье 63 Судебного кодекса РА. Согласно им, суд правомочен привлекать к ответственности участников судопроизводства, участвующих в деле и иных лиц, присутствующих в зале судебного заседания, за проявленное ими неуважение к суду, препятствование нормальному ходу заседания, недобросовестное пользование своими процессуальными правами либо неисполнение процессуальных обязанностей по неуважительной причине или их ненадлежащее исполнение. Таковыми являются: предупреждение, удаление из зала заседаний, судебный штраф, обращение с заявлением о привлечении к ответственности прокурора или адвоката соответственно к Генеральному прокурору или в Палату адвокатов. Статья 39 Закона “Об адвокатуре”, в свою очередь, предусматривает в качестве оснований привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности нарушение требований этого Закона, Кодекса поведения адвоката и Устава Палаты адвокатов, неисполнение или ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей. Статья 46 Закона РА “О прокуратуре” устанавливает в качестве оснований привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности ненадлежащее исполнение служебных обязанностей, грубое

или неоднократное нарушение закона при исполнении своих полномочий, существенные нарушения требований “Кодекса поведения прокурора”.

Конституционный Суд находит, что как вышеупомянутые действия, указанные в статье 63 Судебного кодекса РА и статье 314.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, так и действия, указанные в оспариваемой норме Уголовного кодекса РА, по существу, являются равноценными действиями, они могут быть совершены с прямым умыслом, и в оспариваемой норме отсутствует какой-либо признак состава преступления, который позволит разграничить предусмотренное им противоправное деяние от равноценных правонарушений, указанных в статье 63 Судебного кодекса РА и статье 314.1 Уголовно-процессуального кодекса РА.

Исходя из вышеупомянутого, Конституционный Суд находит, что в условиях отсутствия существенных различий между правонарушениями, указанными в статье 63 Судебного кодекса РА и статье 314.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, и составом преступления, указанным в оспариваемой норме, лицо лишается возможности предвидеть правовые последствия своего поведения, что не следует из принципов предвиденности и определенности закона.

Более того, в подобных условиях в вопросе выбора правоприменителем между судебными санкциями и мерой уголовно-правового воздействия создаются предпосылки для своевольного подхода. Анализ свидетельствует, что наличие, с одной стороны, статей 314.1 и 153 (привод) Уголовно-процессуального кодекса РА, статьи 115 (а также, например, часть 5 статьи 44) Гражданского процессуального кодекса РА, статьи 63 Судебного кодекса РА, с другой стороны, частей 2 и 3 статьи 343 Уголовного кодекса РА в правовом аспекте делает как минимум проблематичным вообще существование нынешней формулировки части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА.

Вообще в вопросе правового регулирования данной проблемы нет четкого системного подхода между статьей 343 Уголовного кодекса РА, статьей 314.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, статьей 115 Гражданского процессуального кодекса РА, статьей 63 Судебного кодекса РА, а также правовым регулированием административного и конституционного процесса по данному вопросу.

Возвращаясь к указанному заявителем аргументу относительно неопределенности формулировки “неподчинение распоряжению судьи” в оспариваемой норме, Конституционный Суд находит, что прежде необходимо установить характер указанного в оспариваемой норме

распоряжения в сопоставлении с другими уголовно-процессуальными нормами.

Пункт 2 части 5 статьи 73 Уголовно-процессуального кодекса РА предусматривает в качестве процессуальной обязанности защитника не просто подчинение распоряжениям, а подчинение **законным распоряжениям** прокурора, следователя, органа дознания, председательствующего в судебном заседании.

Подпункт “б” пункта 1 статьи 5 Европейской конвенции рассматривает в качестве основания лишения лица свободы не просто неподчинение распоряжению суда, а неподчинение **законному распоряжению** или цель обеспечения исполнения любого предусмотренного законом обязательства.

Из анализа вышеупомянутых внутригосударственных и международных норм следует, что в формулировке “неподчинение распоряжению судьи” в оспариваемой норме под термином “распоряжение” понимается законное распоряжение судьи, то есть такое распоряжение судьи, которое направлено на обеспечение исполнения участником судопроизводства предусмотренной законом обязанности. Конституционный Суд находит, что правоприменитель должен исходить из указанного понимания формулировки “неподчинение распоряжению судьи” в оспариваемой норме. То есть на основании неподчинения распоряжению судьи указанные в оспариваемой норме субъекты могут быть привлечены к ответственности, если не исполняют законное распоряжение судьи, направленное на обеспечение исполнения этими субъектами предусмотренных законом процессуальных обязанностей. Вместе с тем термин “законное распоряжение” более четкий и не вызывает проблем также в плане возможности оспаривания в установленном порядке законности распоряжения.

Возвращаясь к указанной заявителем неопределенности формулировки “совершения иных действий” в оспариваемой норме, Конституционный Суд придает важность вопросу выяснения характера этих действий. В связи с этим Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть формулировку, являющуюся предметом спора, в контексте формулировки “свидетельствующее об откровенном пренебрежении к суду или порядку судебного заседания” в оспариваемой норме. При подобном подходе Конституционный Суд констатирует, что:

1) перечисление всех возможных случаев, включаемых в содержание понятия “иное действие”, не является задачей части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА. Предметом этой статьи является установление уголовной

ответственности исключительно за действия, свидетельствующие об откровенном пренебрежении к суду или порядку судебного заседания;

2) гарантией, исключающей своевольный подход правоприменителя, является то, что в силу части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА действия разного характера разграничены от действий, содержащих откровенное пренебрежение к суду или порядку судебного заседания;

3) содержание понятия “порядок судебного заседания” раскрыто в статье 314 Уголовно-процессуального кодекса РА. В процессе применения оспариваемой нормы под понятием “порядок судебного заседания” нужно понимать исключительно порядок, установленный статьей 314 Уголовно-процессуального кодекса РА. Что касается содержания понятия “пренебрежение”, то, как понятие “оскорбление”, используемое в частях 2 и 3 статьи 343 Уголовного кодекса РА, это понятие также в каждом случае является понятием, подлежащим оценке со стороны правоприменителя.

8. Изучение материалов дела свидетельствует, что сторона судопроизводства попыталась в ходе судебного разбирательства своего уголовного дела поднять вопрос конституционности части 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА, подлежащей применению в отношении нее, ходатайствуя перед судом об обращении в Конституционный Суд с просьбой о решении вопроса конституционности указанной нормы. Суд общей юрисдикции общин Кентрон и Норк-Мараш города Еревана решением от 09.12.2008г. отклонил ходатайство заявителя об обращении в Конституционный Суд и приостановлении производства по делу, мотивируя тем, что **“указанный Закон не противоречит положениям Конституции РА**, так как незаконные действия, совершаемые как судьей, так и прокурором, и основания ответственности, возникающей вследствие их нарушений, регулируются Судебным кодексом РА и Законом РА “О прокуратуре”. Отклонение ходатайства или его принятие является задачей суда общей юрисдикции. Однако разрешение вопроса конституционности нормы закона, представление подобного заключения в решении, по существу, несовместимы с требованиями статьи 93 Конституции РА.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть 1 статьи 343 Уголовного кодекса РА в той мере, в какой она неприменима также к другим участникам судопроизводства, признать противоречащей требованиям части 1 статьи 14.1 и части 1 статьи 19 Конституции Республики Армения и недействительной.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента провозглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

14 января 2010 года

ПКС-851

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного Суда Республики Армения